

A movie poster for 'The Birth of Shadows'. On the left, a close-up of a woman's face is shown, her skin covered in frost and icicles, with one eye glowing orange. In the background, the Eiffel Tower stands in Paris under a dark, stormy sky. In the foreground, several sleek, silver robots with blue glowing accents are walking towards the viewer.

АРАБЕЛЬ МОРО

ТЕНИ МИРОЗДАНИЯ

ХОТЬ ОДНИМ ГЛАЗКОМ

Арабель Моро

Тени мироздания.

Хоть одним глазком

<https://litres.ru/73189608>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>Девушка решается на отчаянный шаг стать участницей эксперимента по криозаморозке. Пока мир живет своей жизнью, она засыпает в ожидании нового времени. </p><p>Спустя сто лет ее глазам открывается захватывающее будущее: удивительные города, преобразованная планета, революционные изобретения. Кажется, что мечты сбылись. Она прикоснулась к настоящей утопии, но за эту возможность придется заплатить.</p><p>Цикл научно-фантастических рассказов Тени мироздания описывает альтернативные миры будущего, прошлого и параллельно существующих настоящих.</p><p>Рассказ Хоть одним глазком это трогательная история о человеческом любопытстве, цене прогресса и о том, как иногда попытка заглянуть в будущее может обернуться утратой настоящего.</p>

Арабель Моро

Тени мироздания.

Хоть одним глазком

III/2160

Знаете ли вы что-нибудь о заморозке людей? Только лишь то, что учёные искали, а может, ищут и по сей день добровольцев, фанатиков научной фантастики, которые, не задумываясь глубоко над сущностью и последствиями эксперимента, готовы отдать себя на волю случая и актуальной научной теории?

Я была таким фанатиком, и для меня в этом нет ничего удивительного. Насмотревшись огромного количества фильмов, перечитав все возможные книги, я жила только одной мечтой – хоть одним глазком увидеть будущее, узнать то, к чему хотя бы через столетие придёт человечество. Мне было девятнадцать. Ни мужа, ни детей, ни работы, ни увлечений. У меня не было ничего, кроме страстного желания увидеть своими глазами будущее. Естественно, родители и друзья пытались отговорить меня, но я не хочу здесь описывать все споры и скандалы, которые произошли, прежде чем близкие отступили перед незыблемостью мечты.

Что касается самого эксперимента, то я никогда не вда-

валась в подробности того, что, собственно, со мной будут делать. Мне сказали, что в мозг введут какое-то вещество, а потом резко заморозят. Ещё сообщили, что так называемая «разморозка» состоится ровно через сто лет, и что с вероятностью процентов семьдесят я должна выжить. Этой информации мне вполне хватило для принятия решения. Если вы скажете, что я сумасшедшая, не буду спорить. Наверное, это так.

Первым, что я увидела после того как очнулась, была пустота. Я осознавала себя существующей, но абсолютно не чувствовала тела. Вокруг было темно и немного страшно. Сознание существовало само по себе и словно плыло в некоем неизвестном эфире. Наконец, не знаю, спустя сколько времени, я явственней осознала тело и поняла, что мои глаза закрыты, вот только поднять словно окаменевшие веки оказалось невозможным. Я застонала.

– Не торопитесь! – услышала я рядом с собой мужской голос.

Он показался приятным, незнакомым, но родным, и от осознания этой мнимой близости я почему-то сразу же успокоилась. Голос сказал:

– Ваш организм в норме, но дайте ему немного времени.

Что-то тёплое коснулось руки, и для себя я отметила удивительное чувство, когда сознание, блуждая в пустоте и не ощущая ни сторон света, ни какой-либо опоры, вдруг натывается на что-то – прикосновение или, если хотите, некий

ориентир, который неожиданно и совершенно кардинально меняет точку отсчёта действительности. Это ощущение потрясающе! Его хочется повторить, но, к сожалению, подобное чувство возможно испытать лишь раз.

Постепенно власть над собственным телом возвращалась. Сначала оно казалось невероятно тяжёлым, рыхлым и даже каким-то мешкообразным, но медленно, с ощущением, похожим на судороги из общего сгустка материи, создающей меня, начали выделяться отдельные части. Очень скоро я смогла уже не только открыть глаза, но и сесть.

Обладатель приятного мужского голоса оказался не менее славным и на вид. Это был высокий молодой мужчина в белом лабораторном халате. Он обладал густыми, каштановыми, слегка вьющимися волосами, небрежно растрёпанными и доходящими почти до плеч. Пока я пыталась удержать равновесие в положении сидя, он с самым внимательным видом проверял показатели на аппарате, проводки которого всё ещё были подсоединены ко мне. Медленно поворачивая голову, чтобы не вызвать головокружения, я с интересом оглядела место, где мне довелось пробудиться. Мы находились в небольшой лаборатории, в которой кроме похожего на стеклянный гроб бункера для хранения меня было ещё несколько странных, замурённых аппаратов, два мягких кресла и белый высокий стол, который походил на операционный. Я бы не сказала, что эта лаборатория выглядела уж больно высокотехнологичной, но всё-таки она заметно отли-

чалась от того места, где я находилась, прежде чем подвергнуться заморозке. С каким-то странным чувством смешанного страха и удовлетворения я заметила, что других контейнеров-гробов в лаборатории нет.

– Что же, кроме меня никого больше не замораживали? – с трудом ворочая языком, спросила я у человека в белом халате.

Услышав мой голос, мужчина отвлёкся от созерцания показаний очередного прибора и удивлённо, как будто стараясь уловить смысл сказанного, посмотрел на меня. Мне даже показалось, что его удивил не вопрос, а сам факт того, что я вообще могу сейчас разговаривать.

– Могу вас заверить, – ответил, наконец, мужчина, – что вы не единственный испытуемый. Хотя и один из немногих, кто остался в живых после разморозки. К сожалению, сейчас вы не сможете увидеть других участников эксперимента, так как несколько десятилетий назад вас всех разделили по разным городам, но, возможно, вскоре я смогу устроить такую встречу. Кстати, я ваш куратор. И я счастлив, что вы вышли из заморозки в столь прекрасном состоянии. Можете называть меня Илья.

– Рита, – назвала я себя, и с опозданием подумала, что он, вероятно, прекрасно знает, как меня зовут. Он ведь мой куратор.

Илья ещё немного повозился у панели прибора, а затем, удовлетворённо кивнув, отключил от моего тела все датчики

и предложил спуститься в столовую перекусить, сказав, что за период заморозки мой организм растратил все возможные ресурсы.

Когда мы выходили из лаборатории, я ожидала увидеть длинный узкий коридор со стенами болотного цвета или что-то подобное, так как именно по такому коридору я прошла перед началом эксперимента. Вместо этого, выйдя за дверь лаборатории, мы оказались во вполне обыкновенной домашней гостиной, в дальнем конце которой виднелась узкая винтовая лестница, ведущая на нижний этаж. Рядом с ней находилась дверь, открывающая проход в ещё одно помещение. Я увидела там комнату, своей меблировкой напоминающую вполне уютную холостяцкую спальню.

Куратор осторожно, боясь, видимо, что я потеряю равновесие, провёл меня вниз по лестнице, которая привела нас, к моему немалому удивлению, в высокотехнологичную, но всё же вполне обычную домашнюю кухню.

– Вы здесь живёте, – не столько спросила, сколько констатировала я этот факт.

Илья снова удивлённо посмотрел на меня, а потом вдруг засмеялся.

– Я и забыл, что раньше было не так. Уже многие десятилетия все работают дома. Кто бы ты ни был: врач, полицейский, учёный, инженер или директор – твой офис находится у тебя дома. Человечество долго не решалось перейти к такому устройству общественной жизни, но, когда этот под-

ход был осуществлён, его плюсы стали очевидны. Теперь нет необходимости в строительстве громоздких офисных зданий, требующих особого обслуживания. Никто не опаздывает на своё рабочее место и не тратит лишнее время на дорогу.

– И, видимо, пробок на дорогах поубавилось, – попыталась я пошутить, но Илья не понял моего юмора, а ответил совершенно серьёзно:

– Что касается пробок на дорогах, то их уже давно не существует. Впрочем, как и самого общественного и личного транспорта. Это пережиток прошлого.

Пока мы разговаривали, он подошёл к прикреплённому к стене белому прибору, который, очевидно, выполнял здесь функцию холодильника, и извлёк оттуда то, что, по его мнению, олицетворяло собой понятие «еда». Я без аппетита проглотила несколько ложек желтоватой желеобразной субстанции. Она была довольно вкусной, но совершенно не презентабельной на вид. Правда, куратор заверил, что в этой небольшой порции содержатся все необходимые мне вещества. Я же оказалась не в том положении, чтобы спорить.

– Вам нехорошо? – спросил Илья, внимательно вглядываясь в моё лицо.

У меня действительно кружилась голова, и я сообщила ему об этом. Заметно встревожившись, Илья дотронулся до экрана наручных часов, и через пару секунд в комнату по воздуху вплыла металлическая стойка с несколькими приборами. Как видно, она прилетела из лаборатории. Илья при-

соединил датчики одного из приборов к моей голове, а затем с помощью уже другого прибора взял из вены кровь для анализа. Когда аппарат пропикал, сообщая о том, что анализ завершён, куратор выдал заключение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.